

**ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СОСТОЯНИЕ
ПРАВОСЛАВНОГО СООБЩЕСТВА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ:
СПЕЦИФИКА ПРЕД- И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА
(1900-Е – НАЧАЛО 1920-Х ГОДОВ) ***

М. В. Кауль

Статья посвящена анализу влияний ключевых социально-политических процессов российской истории первой четверти XX в. на состояние сообщества православных верующих. Эволюция православного сообщества рассматривается в свете теории модернизации, выявлена специфика влияния на внутрицерковные процессы революции и государственной вероисповедной политики первых послереволюционных лет.

Ключевые слова: православие, православное сообщество, модернизация, провинция

Провинциальное православное сообщество естественным образом было вовлечено в ход общественно-политических, социальных, культурных трансформаций рубежа XIX–XX вв. При этом, как и любая религиозная общность, оно характеризовалось рядом традиционных черт. Но под воздействием очевидных изменений во всех сферах общественной жизни менялось и сообщество православных. Изменения эти были связаны в значительной степени с разрушением или деформацией различных свойств религиозной общности: замкнутости, фиксации повседневных культурно-бытовых практик, воспроизводства традиционных ценностей брака и семьи, соблюдения форм каноничного поведения и практик воцерковления.

Как изменялся уклад жизни православных общин под воздействием ключевых общественно-политических процессов эпохи и в чем заключались эти изменения? Проследить их характер и динамику продуктивнее на примере локального сообщества Смоленской губернии.

Наиболее результативный опыт анализа способности православной церкви отвечать вызовам социальной модернизации второй половины XIX – начала XX в. представила Т. Г. Леонтьева¹, придя к выводу о том, что на-

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.1. Проект: «Модернизационные процессы в развитии российской провинции 1920–30-х гг. (теоретические проблемы, пути и практика изучения)».

¹ *Леонтьева Т. Г.* Православное сельское духовенство в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX века): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тверь, 2002; *Её же.*

правление государственной модернизации не учитывало реального положения дел в церкви, её неготовность включиться в инновационные процессы и не реализовывало огромный «пастырский ресурс» – потенциал влияния на церковный народ священства. Эта ошибка государства обернулась порочным выбором крестьянства, лишившегося влиятельного воздействия традиционных ценностей православия, в пользу революционной альтернативы, предложенной радикалами. Церковь в условиях масштабных социально-политических трансформаций, революционного, а затем и военного влияния, менявшего сознание всех слоев общества, теряла контакт с ним. Немаловажна в этой связи и проблема статуса православного священника (служение всё больше напоминало государственную службу)². Это же относилось и к социальному облику священства. Т. Г. Леонтьева убедительно показала тесную взаимосвязь сельского духовенства и пасты³, а М. И. Лавицкая охарактеризовала положение священника как «двойное»: «Формально он находился на вершине социальной лестницы, фактически же его статус был близок к крестьянскому. Тем не менее священнику требовалось установить контакт с приходским миром, где его профессиональные и социальные роли вступали между собой в острое противоречие... Рядовые священники, обслуживавшие нужды государства, не получали должной поддержки с его стороны. Окружающая социальная среда деформировала личность пастыря, превращая служение – в службу, жизнь – в существование»⁴.

Объективные экономические процессы начала XX в. перестраивали социальную структуру российского общества: новые его слои вынужденно отдалялись от церкви. Основными носителями светского образа мира были рабочие, быт и образ жизни которых не способствовали сохранению традиционных ценностей. Тяготы многочасового труда, унижительные бытовые условия, естественно, озлобляли и не способствовали воспроизводству традиционной религиозной картины мира. К этим влияниям могло примешиваться и воздействие радикальных агитаторов-социалистов, чьи идеи и призывы попадали на плодородную почву. Естественные контакты полупролетариев с сельским миром (в условиях отхода, сезонной работы) способствовали инфицированию новыми идеями и определённых слоёв деревни, прежде всего молодежи.

Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

² Скунев А. В. Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009. С. 149–226; Белоногова Ю. И. Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010. С. 131–154.

³ Леонтьева Т. Г. Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик П. В. Волобуев: Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 285.

⁴ Лавицкая М. И. Эволюция сословного общества Орловской губернии в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 39–40.

Масштаб этого воздействия не стоит переоценивать, но по ряду категорий населения (крестьяне-отходники, военные) среднестатистический процент «обмирщенных» (не прибегавших к основным таинствам) в Смоленской епархии в 1916 г. в (10–15%)⁵ кажется вполне оправданным. Их отношение к церкви и вере претерпело самые серьезные трансформации: «Постепенно переставая быть истовой, убежденной, вера ещё долго сохранялась на обрядово-бытовом уровне. Посещение храма исчезло как проявление религиозных потребностей, но сохранилось как элемент церковных праздников»⁶.

На наш взгляд, рассматривать эволюцию религиозности российской провинции, изменение статуса православной церкви и её присутствия в повседневной жизни, влияние на нравственные ориентиры и практики поведения православных продуктивнее в свете теории модернизации. Действительно, ведущие социально-политические и экономические процессы, протекавшие в российском обществе в начале XX в. и демонстрирующие постепенное наделение традиционного общества чертами индустриального, полнее всего будут характеризоваться понятием модернизация⁷.

Неотъемлемым элементом перехода от традиционного общества к обществу индустриальному в России был процесс секуляризации сознания, связанный с вытеснением приоритетных для традиционной среды религиозных ценностей. Во многом масштаб и глубина распространения тенденций секуляризации в православном сообществе были связаны с неспособностью православной церкви в начале XX в. ответить на вызовы социальной модернизации, активно включиться в борьбу за сохранение влияния религиозных ценностей на общество в их глубокой нравственной, но не обрядовой (внешней) основе.

Как показывает практика изучения реалий провинциальной жизни начала XX в., на эволюцию религиозности провинциалов влияли как объективные социально-экономические процессы и явления (например, отходничество, заставлявшее порывать традиционные связи с родным приходом), так и субъективные факторы, связанные с падением авторитета отдельных клириков, монашествующих, зараженных всеми социальными болезнями своего времени и испытывающими противоречивое воздействие новых социальных и даже политических ориентиров⁸. Раскрепощение священства, принимавшее зачастую самые разнузданные формы, питало почву

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.796. Оп. 442. Д. 2763. Л. 7.

⁶ Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 236.

⁷ Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

⁸ Подробнее о модернизационных влияниях на православное провинциальное общество см.: Каиль М. В. Культурная модернизация российского провинциального общества рубежа XIX – XX веков (на примере православного духовенства и верующих) // Известия Смоленского государственного университета. 2009. № 3(7). С. 182–191.

будущего разрушения советским государством системы религиозных ценностей и норм поведения⁹. Потенциал жизнеспособности системы православных ценностей в значительной мере был исчерпан к началу XX в.

Вектор государственной модернизации не изменился с революцией 1917 г. Напротив, процессы глубокой социальной трансформации получили новый импульс в молодом советском государстве. Изучение влияния *советской модернизации*¹⁰ на православное сообщество – одно из наиболее перспективных направлений изучения внутриконфессиональных отношений, позволяющее скорректировать общественные представления об исключительно репрессивном воздействии на церковь. Исследование разноплановых источников по истории провинциального православия в первые советские годы позволяет сформулировать гипотезу о преемственной связи внутриконфессиональных процессов пред- и постреволюционной поры. Поэтому необходимо изучить специфику отношения к священству, монашеству, браку, религиозному просвещению и самому государственному вмешательству в жизнь церкви православного сообщества в первые советские годы.

Вскоре после свершения революции начал формироваться нарочито негативный образ православного священника (преемственно связанный с образом дореволюционного попа-миroeда). Но изменилось ли восприятие пастыря среди верующих? Нередко и до революции в приходах с влиятельным приходским советом и старостой положение священника было далеко не однозначным. После революции пастыри порой были низведены до роли наёмных требоисполнителей. В этом плане характерен пример Вознесенского прихода Смоленска, в котором за период с 1918 по 1923 г. были смещены 4 священнослужителя¹¹. Не может не обратить на себя внимание и стиль общения с пастырями, принятый в Вознесенском приходе. Так, приходской совет письменно извещал своего священника: «Совет Смоленской Вознесенской церковно-приходской общины обсудив в Президиуме от 10 ноября [1922 г.] постановление Совета о сокращении числа поминовений, ставит вас в известность, что за не подчинение постановлению Совета на будущее время Вы будете устранены от должности»¹².

На селе снижению авторитета и влияния священника способствовали конфликты, связанные с использованием церковной земли, её захватами крестьянством, характерными для 1918–1920 гг. На отношение сельского мира и пастырей влияли конфликты внутри клира. Так, в одном из уездов местный благочинный заподозрил священника в краже леса, устроил «са-

⁹ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс... С. 246.

¹⁰ Понятие введено Б. Н. Мироновым. См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Изд. 3-е. СПб., 2003. Т. 2. С. 332–335.

¹¹ Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 566. Л. 10, 43–45.

¹² Там же. Л. 31.

мочинный обыск», к делу была подключена милиция, а за обиженного вступился его сын-комиссар¹³. В постреволюционное время не утихали конфликты, связанные с разделом причтовых доходов. Все эти обстоятельства, находившиеся в поле зрения многочисленной паствы, нередко не упускавшей случая обокрасть или оклеветать своего батюшку, наряду с воздействием агитации могли способствовать снижению авторитета православного священника, всё реже воспринимавшегося в качестве пастыря, наставника, старшего партнера.

Ещё в более сложном положении находилось монашество, призванное в соответствии с православной традицией выполнять роль высокого религиозно-нравственного ориентира. Однако именно монастыри стали объектами наиболее ожесточённой агрессии со стороны представителей всех ветвей власти, и стихийной – со стороны крестьян окрестных деревень, которые были не прочь разграбить монастырское добро. На формирование обостренно-негативного отношения к монашеству в первые годы революции повлияли государственные акции, в том числе кампания по вскрытию и разоблачению святых мощей. Падению доверия к монашеству способствовало и имевшее распространение неканоничное поведение насельников ряда обителей. Противоречия уклада монастырской жизни и внутренние конфликты, прежде сдерживаемые потенциальной карой Синода, после революции хлынули в общество как из переполненной чаши¹⁴.

Значительное влияние на сообщество православных оказывала динамика государственно-церковных отношений. Одной из наиболее конфликтных областей было регулирование брачных отношений и ведение актов гражданского состояния. Однако в данном случае явно прослеживается влияние государства на восприятие православного брака. Законодательную основу регулирования этих отношений дало постановление СНК о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», содержащее специальные разделы – «О метрических книгах», «О религиозных церемониях и обрядах»¹⁵. И если передача метрических книг прошла в провинции без существенных эксцессов и жертв, то регулирование брачных отношений в первые послереволюционные годы стало предметом конфликтов между представителями власти и церкви.

Священники буквально оказались между двух огней. С одной стороны, они были обязаны руководствоваться церковными предписаниями (фактически консервировавшими дореволюционный порядок бракословения). С другой стороны, испытывали вполне реальное давление новой власти, сами представители которой не могли порой отказаться от церковного брака и требовали в обход церковных правил венчания разведённых и несовершеннолетних. Последний феномен заслуживает особого внимания в

¹³ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 169. Л. 5.

¹⁴ Там же. Д. 97, 316; Архив управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (далее – АУ ФСБ СО). Арх. 26797-с. Л. 30.

¹⁵ Собрание узаконений. 1918. № 62. Ст. 685.

связи с нашей попыткой проследить ход внутриконфессиональной эволюции на фоне смены общественно-политического строя. Ряд документов убедительно показывает, что даже представители партийных органов вплоть до середины 1920-х гг. не видели возможности отказываться от традиционного церковного брака. Практически не урегулирована была практика повторного вступления в брак.

В этих условиях отчаявшийся священник с. Покрова Сычевского уезда о. Иоанн Нечаев писал епископу «о безвыходном положении, в какое бывает поставлен священник в современной жизни». Волостная власть предписывала ему повенчать гражданина, разведённого гражданским судом, а также и несовершеннолетнего¹⁶. Порою неудовлетворённые отказом епископа в благословении брака обращались в исполкомы и получали желаемые предписания повенчать их. Возмущённые священники писали: «... в противном случае Исполком грозит привлечь меня к ответственности как за саботаж»¹⁷. Епископ оставлял в подобных случаях пространную резолюцию на рапорте священника: «Никакой исполком не может заставить священника совершить незаконный брак. В № 26 “Центральных Известий” за 5 февраля 1919 г. напечатан циркуляр Народного Комиссара Юстиции... предписание [священникам] при их отказе венчать – неправильно, являясь вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь религиозных культов; такое требование даже не соответствует самому принципу отделения церкви от государства...»¹⁸ Проблема эта была настолько массовой, что? встретив в одном из рапортов свидетельство об угрозе привлечения к ответственности священника, отказавшегося венчать, «за неподчинение Советской Власти», епископ инициировал обращение в губисполком, добиваясь признания неправового характера действий волостного исполкома¹⁹.

При этом епархиальная администрация довольно жёстко реагировала на совершение клириками неканонических с точки зрения официальной церкви браков. Так, за повенчание о. Михаилом Клитиным находящихся в родстве (при том, что священники были лишены прежних механизмов брачных обысков) епископ предлагал в соответствии с канонами запретить в служении священника. Епархиальный же совет, регулярно слушавший в 1919–1920 гг. подобные дела, объявил причту «выговор с предупреждением»²⁰. Массовость брачных казусов на Смоленщине всё же вынудила губюст отреагировать – заводелом разъяснил епархиальному совету: «... Исполком не вправе причту давать предписания о совершении таинства браковенчания, т. к. это противоречит законоположениям и смыслу отделения церкви от государства...», – отметил, однако, что «причт при нали-

¹⁶ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 169. Л. 108.

¹⁷ Там же. Л. 125.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 127.

²⁰ Там же. Л. 109, 121.

чии достаточного гражданского мужества мог явиться в волисполком для объяснения и составления протокола, а не совершать под влиянием два якобы незаконных по церковным канонам брака. Священник, как человек получивший образование, мог разъяснить об этом крестьянам волисполкома»²¹.

Состояние вопроса о церковном браке в Смоленской епархии представляло собой не только дополнительный очаг напряженности во взаимоотношениях клира с органами власти, но и демонстрировало противоречивость и синкретизм сознания значительной части населения российской провинции, не сделавшего окончательного выбора между традиционными церковными ценностями и новыми революционными.

Положение в новых условиях церковного просвещения и образования, выступавших одной из неотъемлемых составляющих традиционной сферы влияния православной церкви, – важная составная часть характеристики постреволюционного православного общества. Судьба духовной школы волновала смоленскую церковную общественность и ранее, после февральской революции. С новой остротой этот вопрос встал после октября 1917 г. В ходе заседаний епархиального собрания в июне 1918 г. высказывалось предложение «всем религиозным общинам вынести постановление о необходимости преподавания Закона Божия в школах, чтобы воздействовать на власть». Сама постановка вопроса в тот период свидетельствовала об особом внимании к статусу и положению духовного образования в новых исторических условиях: «С преподаванием Закона Божия связан вопрос: “быть или не быть России”»²². В ходе работы епархиального собрания выработывались меры адаптации системы церковного образования к действующим правовым нормам, в частности, предлагалось заменить училищные советы, «не признаваемые местною Советскою властью», родительским комитетом, в ведение которого хотели даже передать епархиальное училище²³.

Обеспокоенность епархиального собрания положением духовно-учебных заведений была неслучайной. Декрет от 23 января 1918 г. и развивающие его положения шестой части инструкции от 30 августа 1918 г. вводили запрет на преподавание вероучения в любых государственных и частных образовательных учреждениях, где преподаются общеобразовательные предметы²⁴. Обучение основам веры становилось индивидуальным делом. В соответствии с новой правовой базой «по плану народного образования духовно-учебные заведения переходят в ведение Комиссариата Народного Просвещения и к началу предстоящего учебного года должны быть реформированы в соответствии с новыми принципами и задачами народного об-

²¹ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 169. Л. 130.

²² Там же. Д. 167. Л. 4.

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М., 1958. С. 123–124.

разования»²⁵. Июньское епархиальное собрание хлопотало о сохранении Смоленской духовной семинарии, работа которой, едва начавшись, в новом учебном году была прервана²⁶. С закрытием семинарии под угрозу была поставлена система воспроизводства священнических кадров, а острый дефицит в пастырях стал ощущаться уже через два–три года.

Как и в других сферах религиозной жизни православных, по принципу замещения утраченного стали формироваться альтернативные формы церковного просвещения и духовного образования, масштабы деятельности которых, однако, были несопоставимы с прежними. В ряде приходов в 1918–1920 гг., а кое-где и позднее работали воскресные школы по обучению детей и взрослых Закону Божию. Практически сразу была осознана необходимость создания новых структур для подготовки священнических кадров. В этом направлении епархиальной администрации удалось добиться значительных успехов: в период с 1920 по 1922 г. в Смоленске работали санкционированные властью пастырские курсы, число слушателей которых составляло до 60 человек²⁷. Лишь по итогам «процесса смоленских церковников» в 1922 г., когда власти намеренно представили курсы как антисоветский центр, они были закрыты. В последующий период система подготовки священнических кадров вынужденно переходила в подполье²⁸.

Уже в 1920 г. начались проблемы у общин, в которых было организовано преподавание Закона Божия. Губюст предостерегал: «... на основании циркулярного разъяснения Наркомюста по декрету об отделении церкви от государства, преподавание религиозных вероучений организованным порядком воспрещается где бы то ни было. На все официальные ходатайства о разрешении такового в храмах и еще где-нибудь отвечается отказом»²⁹. Отдел юстиции требовал от отдела народного образования «уведомить, в каких церквях происходит обучение детей религиозному обучению и кем на предмет возбуждения уголовного преследования против соответствующих лиц»³⁰. Однако это слово губюста не было последним и решающим. К концу 1921 г. в Смоленске Закон Божий преподавался в трёх церквях – Ильинской, Нижне-Никольской и Успенском кафедральном соборе. При этом процедура разрешения была довольно проста: священник от своего имени обращался в губернский отдел управления, давал при этом подписку о том, что содержание занятий будет ограничено «религиозной моралью» и получал разрешающую резолюцию о том, что «согласно существующего законодательства препятствий [к его работе] не имеется»³¹. Однако власти

²⁵ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 167. Л. 18.

²⁶ Известия Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Западной коммуны. 1918. 24 сент. № 225.

²⁷ АУФСБ СО. Арх. №11018-с. Л. 96–97.

²⁸ См.: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.

²⁹ ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 1477. Л. 234.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 835. Л. 218–221.

жестко отслеживали характер преподавания и состав слушателей, причиной проверок приходов и священников нередко становились сигналы осведомителей, хотя в целом Смоленский отдел управления смотрел на преподавание Закона Божия весьма терпимо, благодаря чему на протяжении гражданской войны и нескольких последующих лет удалось сохранить элементы системы православного воспитания.

Насколько востребованной верующими была сформированная в первые послереволюционные годы система религиозного просвещения? Привлечение источников, характеризующих внутрицерковные отношения, убедительно показало, что пастырские курсы рядом представителей младшего причта воспринимались в качестве своего рода карьерного лифта, среди слушателей возникла обострённая конкуренция за получение священнических мест, особенно в губернском городе. Более того, возник и вполне реальный конфликт отдельных слушателей с епископом, не ответившим притязавшим на доходное место посвящением в священнический сан. Конечно, подобная обстановка конфликтности, противоречия и преобладания внецерковных мотивов и ценностей в данном случае является результатом постреволюционных социальных процессов, подорвавших церковное единство даже в такой далекой от политики области, как церковное просвещение и образование.

Как воспринимало общество сам факт вмешательства государства в церковную жизнь? Довольно неоднозначно. Это показали события осени 1918 г., когда масштабное протестное движение в отношении декрета от 23 января³² стало смыкаться с волной аграрных волнений на Смоленщине. Сложно достоверно определить характер выступлений православных: были то стихийные действия отдельных общин и пастырей или организованное центральной церковной администрацией движение. Факты свидетельствуют, что размах церковного сопротивления советским установлениям определялся последней. Нужно отметить, что цели, которые ставила центральная церковная администрация перед общественным православным движением (отказ от январского декрета и от августовской инструкции)³³ достигнуты не были. Здесь нельзя не солидаризироваться с выводами исследования положения в Вятской епархии, проведённого А. Г. Поляковым: «После начала советского преобразования общества официальная позиция центрального руководства РПЦ по отношению к государственной конфессиональной политике, доведённая в начале 1918 г. через местные епархиальные структуры до духовенства и верующих, явилась основанием для саботирования светского религиозного законодательства частью православного

³² В ряде мест протесты различные формы протеста наблюдались уже в конце февраля – феврале 1918 г.: См.: Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 135.

³³ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 153. Л. 12–15.

населения»³⁴. В течение 1918 г. постановления, определения и указы центральной церковной администрации обусловили выход на церковную паперть и улицы тысяч православных, десятки и сотни из которых в результате погибли, подверглись репрессиям, получили опасное клеймо врага революции, новой власти и нового общества. В свете этих данных невозможно однозначно определить и характер православного движения. Не ясно, чем были продиктованы выступления православных, возможно ли считать их показателем приверженности системе православных ценностей, или они были вызваны стремлением сохранить традицию православного обрядного сопровождения жизни, на которую покусилась власть.

Охарактеризованные особенности проявлений внутрицерковной жизни как пред- так и постреволюционного периода показали масштаб влияния государственной и общественной модернизации на изменение состояния православного общества. Уже накануне революции объективный ход общественного развития затронул практически все стороны внутрицерковной жизни: происходит деформация традиционной связи православных с приходом, изменяется общественный статус и восприятие священства, получили заметное распространение явления секуляризации общественного сознания.

На темп и характер внутрицерковной эволюции подействовала революция. Одним из важнейших факторов влияния на православное сообщество было изменение статуса церковной организации и обострение государственно-церковных отношений. Влияние революции испытали все сферы православной жизни, менялось отношение к пастырям и монашеству, церковному браку, образованию. В каждой из этих областей прослеживается вытеснение чисто религиозных ценностей социальными, а порою и политическими ориентирами. Революционный вызов изменил облик церкви, её пастырей и паствы, побуждая даже к ценностям веры подходить с меркой приоритетов и устремлений общественной жизни. В этом отношении в свете теории модернизации новейшая история православной церкви приобретает объективный ракурс, объясняющий, как система религиозных ценностей и традиционный уклад жизни были вынуждены отступить перед объективной необходимостью перехода на новую ступень общественного развития, всегда сопровождающегося утратой ряда основ традиционного уклада, в том числе религиозной. Однако российский вариант модернизации, сопровождавшийся неоправданной жестокостью и характерным приоритетом государственного начала над социальным, определил жесткость воздействия на РПЦ как на один из столпов самоорганизации традиционного российского общества.

³⁴ Поляков А. Г. Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007. С. 78.

Литература:

- Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.
- Белоногова Ю. И.* Приходское духовенство и крестьянский мир в начале XX века (по материалам Московской епархии). М., 2010.
- Булдаков В. П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия: Изд. 2-е. М., 2010.
- Каиль М. В.* Культурная модернизация российского провинциального общества рубежа XIX – XX веков (на примере православного духовенства и верующих) // Известия Смоленского государственного университета. 2009. № 3 (7).
- Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.
- Леонтьева Т. Г.* Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик П. В. Волобуев: Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Изд. 3-е. СПб., 2003. Т. 2.
- Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М., 1958.
- Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.
- Поляков А. Г.* Русская православная церковь и светская власть в 1917 – середине 1920-х гг. (на материалах Вятской губернии). Киров, 2007.
- Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.
- Скутнев А. В.* Православное духовенство на закате империи. Киров, 2009.

M. Kail'

**THE INFLUENCE OF MODERNIZATION PROCESSES ON THE
CONDITION OF THE PROVINCIAL ORTHODOX COMMUNITY:
SPECIFICS OF PRE- AND POST-REVOLUTIONARY PERIODS (1900s
– early 1920s)**

Summary

The article deals with an analysis of the influence of key socio-political processes of the Russian history in the first quarter of the 20th century on the state of Orthodox believers' community. Evolution of the Orthodox community is considered in the light of the theory of modernization. The article also singles out special features of the influence which was exerted on the intra-church processes by the revolution and state policy with regard to believers in the first post-revolutionary years.

Keywords: Orthodoxy, Orthodox community, modernization, the provinces.
